

18+

Елена Фёдорова

Приглашение к счастью

Роман

Елена Фёдорова

Приглашение к счастью. Роман

«Издательские решения»

Фёдорова Е.

Приглашение к счастью. Роман / Е. Фёдорова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-655488-7

Этот роман о любви к небу, о романтике и сложности полётов, о поиске смысла жизни и неординарных ситуациях, в которые попадают главные герои. Они рождены под знаком Птицы, поэтому выбрали для себя самые небесные профессии: пилот и бортпроводник. И ничто не заставит их вернуться в обыденность и суету. Воздушная стихия и бездонный небесный океан приглашают их к счастью...

ISBN 978-5-00-655488-7

© Фёдорова Е.
© Издательские решения

Содержание

ПРИГЛАШЕНИЕ К СЧАСТЬЮ	7
Крылья мечты	7
Часть первая Пилоты	13
По зову неба	13
Любовь	21
Антарктида	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Приглашение к счастью

Роман

Елена Фёдорова

© Елена Фёдорова, 2026

ISBN 978-5-0065-5488-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРИГЛАШЕНИЕ К СЧАСТЬЮ

*Приглашение к счастью — женщина,
Жизнь дающая на земле.
Приглашение к испытаниям
Эта женщина, что тебе
Предначертана, предназначена
И судьбой тебе вручена.
Совершенная, сумасбродная,
Как вулкан, как морская волна.
Захлестнёт своей силой и нежностью,
Приласкает, погубит, спасёт...
Но тем яростней, тем неистовей
Тебя в этот пожар влечёт.
Не насмотришься, не надышишься,
Не поймёшь, почему так нужно
Тебе именно эта женщина,
Это счастье, любовь и весна...*

Крылья мечты

Небольшой камерный театр в Трёхпрудном переулке был переполнен. Зрителей было больше, чем посадочных мест. Пришлось ставить стулья в проходе между рядами. Молодёжь сидела на полу перед сценой, внимательно вслушиваясь в поэтический текст, который дополняла классическая музыка в исполнении Ольги Новожиловой. Музыка увлекала зрителей в сказочный мир грёз, рыцарских турниров, нешуточных страстей, помогала найти заветный ключ к тайнам мироздания...

Ольга Ларионова автор пьесы «Эльвира» играла одиннадцать ролей. Она решилась на постановку, потому что отчаялась увидеть свою «Эльвиру» на большой сцене. Что ей только не говорили: «Мы живых авторов не ставим, им платить нужно, а денег нет. Ваша пьеса — неформат. Сейчас зрителям нужно другое. Это не наша тема...»

Ольга улыбалась, слушая подобные ответы. Она понимала, что сегодня, когда пропагандируется бездуховность, безнравственность и бескультурие, её пьеса будет неформатом, потому что она заставляет задуматься о чести и достоинстве, о любви и ненависти, о духовности и бездушии, о выборе пути, который делает каждый человек, пришедший на планету Земля. Но об этом сейчас говорить не принято, это, по мнению руководителей театров, не интересно зрителям, это не будет вос-требовано.

Слушая такие убедительные речи, Ольга думала о том, какое непосильное бремя несут деятели культуры на своих плечах, какой тяжелый воз требований толкают они перед собой, чтобы не лишиться своего места. Взбираясь на вершину театрально Олимпа, они стараются превзойти друг друга в безумии, безнравственности, пошлости. Они — винтики в системе...

Ольга была вне этой системы и делала то, что подсказывало ей сердце. А оно плохого не подскажет. Сердце — вместилище души. Именно к душе обращаются её герои. Зрители слушают, затаив дыхание, сопереживают им. Вместе с героями делают выбор, на какую сторону встать: на светлую или тёмную, чему отдать предпочтение: богатству или бедности, ненависти или любви, чести или бесчестию, сердечности или бессердечию...

Эльвира — музыкально-поэтическая сказка о дочери лесника, которая мечтает стать королевой. Она любит принца, а он её. Но король-отец хочет, чтобы Эльвира стала его женой. Он отправляет сына в замок повелительницы грёз Морганы и приказывает ей убить принца. А Эльвире он предлагает трон и корону. Согласие сделает её королевой. За отказ она будет сожжена на костре, как колдунья. Эльвира не знает, что делать, чей голос слушать. Ей на помощь приходит пророк. Он говорит:

Не бойся ничего, доверься Богу.
Его ты голос сразу различишь,
Он тих, как будто ветерка дыханье,
Как звон упавшей капельки дождя,
Как крылышек прозрачных трепетанье.

Но, чтоб услышать голос тихий сей,
Должна ты будешь приостановиться,
Прислушаться, и только лишь потом
Решать, а надо ли тебе туда стремиться,

Туда, куда хотела ты сперва,
Что новый путь твоей душе прибавит?
Пойдёт от мыслей кругом голова.
Не торопись, коварство миром правит.

Паук давно раскинул сети зла.
Не просто будет выбраться оттуда.
Попастись в сети зла — пропасть...

Вот как?! Тогда внимательней я буду.

Декораций нет. Они и не нужны. Обстановку королевского замка и золотого дворца Морганы, где происходит действие пьесы, дорисовывает воображение. У каждого зрителя свой замок, своя река и костёр, на котором сгорает Эльвира.

Эльвира на костёр взошла.
Венок из примул чуть приподняла,
Сказала, глядя в небеса:

Жизнь — это миг, как иней, как роса
Блеснёт, и вот её уж нет...
Но новый день рождает новый свет.
И если не боюсь я умереть,
То это значит — побеждаю смерть!

Зрители задаются вопросом: можно ли победить смерть? Есть ли жизнь после жизни? Какой выбор сделал бы я, оказавшись в подобной ситуации? Эмоциональный накал настолько силён, что никто не двигается с места. Пауза между финальным музыкальным аккордом и шквалом аплодисментов длится больше минуты. И только потом, словно опомнившись, зрители кричат браво! Никто не торопится к выходу. Никто не хочет покидать свой замок, выходить из сказки в реальность, где суета-сует, где невозможно услышать голос Бога — тишину. Где ураган мыслей и множество несбыточных желаний. Где...

Мечты, как тать порой крадутся
Или врываются в наш разум вихрем, бурей.
Но помнить мы должны,
Не всем мечтам позволено сбываться.
Прочь ускользает призрачный мираж,
Шепнув на ушко:
— Я не ваш, не в-а-ш...
Хотя, постойте, может, всё же ва-а-а-ш?

Две Ольги Ольга Владимировна Ларионова — автор пьесы и Ольга Валентиновна Новожилова — музыкант стоят на сцене. Зрители несут им букеты, благодарят просят ставить новые спектакли об искренности, любви и вере, по которым так истосковалась душа.

— Олечка Владимировна, это вам, — высокий господин в дорогом костюме смотрит на неё с нескрываемым обожанием, протягивает букет белоснежных роз.

— Благодарю, — Ольга принимает букет, улыбается. Она видит в этом человеке барина, эдакого мецената, восхищённого игрой провинциалки.

— Мне сказали, что вы были стюардессой. Это так?

— Вы предлагаете мне вернуться к лётной работе?

— Нет, душа моя, — он берёт её под локоток, говорит тихо, таинственно. — Я предлагаю вам стать... моей музой, Олечка Владимировна. Не перебивайте меня, дослушайте. Помните фильм «Ещё раз про любовь»? Там играли Татьяна Дорониная и Александр Лазарев, небо, самолёты, любовь, трагедия... Так вот, я предлагаю вам, Олечка Владимировна, написать сценарий на похожую тему.

Мы столетие гражданской авиации недавно отметили. Это серьёзная дата, монументальная. Вот я и предлагаю вам освятить эту дату. Назовите ваш многосерийный роман «Сто лет в любви к небу». А мы подумаем, как из него потом сделать театральную или кино историю... может быть сделаем и то и другое.

Я ведь тоже летал бортпроводником на маленьких самолётах ТУ-134, АН-12, ИЛ-18. Меня ставили ответственным за кухню и багаж. Я был в бригаде бортпроводником под номером три.

— Нам всем приходилось выполнять работу повара, грузчика, психолога, спасателя, дипломата, врача прежде чем мы становились бригадирами.

— Вот видите, Олечка Владимировна, как много мы с вами можем рассказать людям. Но главной темой у нас должна быть любовь к небу и важность профессий пилот и бортпроводник. Они ведь в первую очередь обеспечивают безопасность полётов, а не служат официантами элитного ресторана. Я прав?

— Правы...

— Меня зовут Николай... Николай Григорьевич Стрельников. Простите, что сразу не представился, — он поцеловал кончики её пальцев, улыбнулся. — Холодные, музыкальные ручки. Вы музыкой занимались? — она кивнула. — Теперь понятно, почему вы так музыку

хорошо чувствуете, как профессиональный музыкант. Вы — первооткрыватель в своём жанре. Играть сразу десять ролей — это фантастика.

— Одиннадцать, — подсказала Ольга.

— Одиннадцать — это супер мастерство, душа моя! Горжусь! Итак, я вам сделал предложение. Официальное предложение, дорогая. Жду ваш положительный ответ. Не спешите, пожалуйста. Подумайте. Отдохните после вашего триумфа. Только не очень долго, прошу. Барышни такие увлекающиеся натуры, что... могут замечаться и забыть о своём намерении осчастливить мужчину. Вот вам моя визитка. Я — главный редактор журнала «АэроСоюз». Это самое цитируемое издание в России.

— Я читаю ваш журнал, Николай Григорьевич. Рада знакомству. Я подумаю и позвоню. Спасибо за розы.

— Олечка Владимировна, помните о том, что вы — настоящая стюардесса, самая, самая настоящая...

Через неделю они сидели в его кабинете.

— Скорость у вас, Олечка Владимировна, космическая.

— Я ведь настоящая стюардесса, вы сами сказали. Приходится соответствовать, — она достала ежедневник. — Посмотрите, Николай Григорьевич, что я предлагаю. Мы с вами можем пойти несколькими путями...

Он с любопытством смотрел на схемы, которые рисовала Ольга, внимательно слушал всё, о чём она говорила и думал, о том, что сделал правильный выбор, предложив именно ей сотрудничество. Ольга справится. Она — вулкан, Везувий с бездонными серо-синими глазами. Цвет глаз меняется в зависимости от той или иной мысли, пришедшей в её умную головушку. Сейчас Ольга сосредоточенно-серьёзная, и глаза у неё, как небо в пасмурную погоду. Но вот блеснул солнечный лучик, пришла новая идея, и глаза — изумрудное море...

— Хорошо, что мы нашли друг друга, Олечка... Можно я вас так буду звать, — он поднялся, взял с полки увесистую папку, положил на стол. — Это интересная информация о разных неординарных ситуациях. У нас не всегда получается опубликовать всё, что нам присылают. Вот и накапливаются такие папочки. Мы откладываем их до лучших времён...

— Которые никак не наступают, — подсказала Ольга.

— Поправлю вас, дорогая Олечка. Которые наступили с вашим приходом. Да-да, лучшие времена наступили сегодня. Сейчас, сию минуту. Держите папочку. Разрешаю вам выбрать несколько историй. Творите, дитя моё. Можете из своей лётной практики взять самое интересное. У вас, наверняка, есть что-то в тайниках памяти. Не все истории вы в свою книгу «Расскажите, тоненькая бортпроводница» включили. Я прав?

— Правы, Николай Григорьевич. Я кое-что оставила, словно предчувствовала, что вы мне предложение сделаете.

— Вы — провидица, Олечка. Это меня радует. За дело, душа моя...

Ольга написала несколько лётных историй. Николай Григорьевич предложил назвать пьесу «Крылья мечты», договорился с Иркутским театром юного зрителя о её постановке. Репетиции начались ещё до того, как сценарий пьесы был полностью закончен. На его создание ушло три месяца.

— Всего три месяца? — удивились журналисты, пришедшие на премьеру. — Это космические сроки.

— Мы готовимся покорить космос, — Николай Григорьевич любил шутить.

— А кто главный в вашем дуэте? — вопрос был задан Ольге.

— Конечно же — Творец! — ответил вместо неё Николай Григорьевич. — Когда мы с Олечкой Владимировной работали в Гражданской Авиации и поднимались на высоту десять

тысяч метров над землёй, тогда-то мы и получили благословение от Всевышнего. Теперь нам любое дело по плечу. Да, Олечка Владимировна?

— Да, Николай Григорьевич.

— Расскажите о своих дальнейших планах.

— Друзья мои, мы тайн своих не раскрываем никому, — Николай Григорьевич приложил палец к губам. — Есть хорошая поговорка: «Хочешь рассмешить Бога, расскажи Ему о своих планах».

— Ольга Владимировна, говорят, что у вас более шестидесяти книг. А какая самая любимая?

— Дорогая моя Олечка, ваш выход. Уступаю вам пальму первенства, вернее, место у микрофона, — Николай Григорьевич сделал шаг назад.

— Самая любимая книга та, которая ещё не написана, — сказала Ольга. — Мне дороги все мои книги. Каждая из них, как долгожданный, желанный ребёнок, которого ты выпустил в жизнь, отдал в чьи-то руки, доверил незнакомым людям. Кто-то из них потом станет твоим другом. Кто-то — недругом. А кто-то останется безучастным, безразличным... Нравиться всем невозможно.

К тому же, мои произведения — неформат. В них говорится о духовности, о высокой, всепобеждающей Божьей Любви, которая не имеет ничего общего с плотскими влечениями и пошлостью так растиражированной сейчас. Мы забыли о смысле жизни, о великой миссии человека на земле. Пора проснуться и задать себе вопрос: кто я? Зачем я пришёл на планету Земля? Что возьму с собой, когда настанет время уходить? В чём смысл жизни?

На эти вопросы пытаются ответить наши герои. Будем рады, если зрители и читатели увидят глубокий смысл, скрытый в каждой истории, захотят пойти дальше по пути прозрения и откроют для себя нечто неведомое прежде.

— Олечка Владимировна, вы, как всегда, на высоте. Горжусь. Вот, что значит, настоящая стюардесса! — Николай Григорьевич, обнял Ольгу. — Я знал, что вы не подведёте. Лётная школа воспитывает характер. Не у всех, конечно. Но люди разные нужны, люди разные важны...

— А почему вы поставили пьесу не в Москве?

— Иркутск — место силы. Сибирь и батюшка Байкал — главные ценители искусства. Здесь всё так искренне, без фальши. Люди добрые, открытые, сердечные. Мы с Олечкой это ценим. Кстати, наша Олечка Владимировна не только писатель и поэт, она хорошая актриса, режиссёр и мастер на все руки.

— Не перехвалите меня, Николай Григорьевич, — попросила Ольга, взяв его под руку. Думала, он поймёт, что пора завершать интервью. А он расценил её жест по-своему.

— Друзья мои, мы приглашаем вас на моноспектакль, который сыграет Ольга Владимировна на малой сцене театра. Дату я уточню.

— Николай Григорьевич?! Вы ставите меня в неловкое положение, — Ольга рассердилась. Он увлёк её за собой, шепнул:

— Деточка, не сердитесь. Вы же — настоящая стюардесса. Забыли? Настоящую стюардессу никто и ничто не может смутить и вывести из равновесия. А настоящий профессионал, как вы, дорогая, должен быть готов к любым импровизациям. К тому же, я даю вам шанс стать звездой больших и малых театров.

— Благодарю за заботу. Но в следующий раз, прошу вас узнать о том, что именно хочу я.

— Вы суровая дама, Олечка Владимировна. А я — старик похабыч... ой Хоттабыч. Не сердитесь. Улыбайтесь, за нами наблюдает вечность...

Через два дня на малой сцене театра Ольга Ларионова сыграла «Эльвиру». Николай Григорьевич рассыпался в комплиментах.

— Это так трогательно, так... высоко... Зрители замечательные. Я доволен. Наша летающая тарелка побывала в космосе. Пора подумать о гастролях... Да. Точно. Я устрою вам, Олечка Владимировна, турне по России, и... Ничего сейчас не отвечайте... я знаю, что ваш муж — настоящий командир... Мы его уговорим, слово чести!

— Верю вам на слово, — Ольга рассмеялась — Поговорим об этом потом после выхода на экраны страны нашего фильма, который мы назовём «Приглашение к счастью»...

Часть первая Пилоты

По зову неба

*Крылья России, крылья России —
Воздушные силы страны.
Крылья России, крылья России —
Великой державы сыны.*

Внимание СМИ приковано к аэропорту Шереметьево. При заходе на посадку у самолета на высоте семьдесят метров произошёл отказ правого двигателя с последующим интенсивным ростом температуры газов. Командир воздушного судна Пётр Майоров проявил спокойствие и высокое профессиональное мастерство, экстренно выключил отказавший двигатель, дал команду закрыть пожарный кран и успешно произвёл посадку на одном двигателе. Машина получила повреждение, но ни пассажиры, ни члены экипажа не пострадали...

Строгий немногословный командир отряда Василий Сергеевич Звонарёв ходил по кабинету от окна к столу и обратно, словно заключённый, заключённый в свои переживания, в свои мысли и воспоминания. Чрезвычайное происшествие ЧП — это всегда стресс. Приедет комиссия из министерства, начнутся проверки, расспросы — допросы с пристрастием. Хорошо, когда вопросы задают специалисты. Но бывают и такие говорливые трибуны, которые ничего не смыслят в авиации. Разговариваешь с ними и понимаешь, откуда появляются анекдоты.

— Я знаю, что самолёт летает за счёт того, что он загребает винтами воздух, а вот как он рулит по земле, если у него нет никакой цепной передачи от двигателя к колёсам, не ясно...

Смешно до слёз. Но смеяться некогда. На лётной работе нужно быть максимально сосредоточенным. Небо слабых не любит. Небо — великая бездонность. Оно таит в себе столько всего непознанного и фантастического, что словами не передать. У каждого пилота множество историй, можно заполнить целую библиотеку. Но... небо учит безмолвию. Даже от родных приходится скрывать то, что иногда случается в обычном рейсе.

Василий Сергеевич тряхнул головой, отогнал навязчивые мысли. Сказал громко:

— Всё хорошо. Все живы — это главное. Самолёт исправят, и он снова взлетит в небо. Причиной выхода из строя двигателя стала крупная птица... Командир Пётр Майоров молодец, настоящий лётчик. Мастер своего дела. Мастер... Да здравствует бесстрашие и стремление вверх! Хорошо, что есть романтика неба, романтика полётов, романтика жизни, которая привела нас сюда...

*Серебряные лайнеры России —
Стальные птицы Родины родной.
Смотрю на вас могучих и красивых,
На ваш полёт над грешною землёй.
И думаю о городах и странах,
В которых побывали вы не раз.
С небесным безграничным океаном
Я чувствую невидимую связь.*

Серебряные лайнеры, как птицы.

Красив и совершенен их полёт.
Российский флаг — страны моей частица
Нам с высоты посланье мира шлёт.
Мы лайнеры встречаем, провожаем
С улыбкою мы смотрим им во след,
Желаем новых взлетов и посадок
Безаварийных долгих лётных лет.

Преодолеть земное притяжение, соединиться с небом, познать чувство полёта Василий мечтал с раннего детства. И не он один. В авиации случайных людей нет. Сода приходят по зову сердца, по зову неба, крепко держат в руках штурвал, благодарят стальную птицу за «мягкую посадку» и сокрушается, если посадка была жёсткой. А уж если случилось ЧП, то все в отряде воспринимают это, как личную трагедию.

Василий Сергеевич постоянно вспоминал уроки мудрости, которые преподавал ему отец — полярный лётчик. Он тоже был командиром отряда. В их доме всегда было многолюдно, собирались авиаторы. Рассказывали о полётах, о разных неординарных ситуациях, о плюсах и минусах лётной работы. Плюсов было больше, поэтому Василий решил стать пилотом. Брат Семён стал экономистом международником. Уважил маму и деда Семёна. Тот был счастлив, что у любимого внука земная профессия без ночных полётов со сменой часовых поясов и климата. Дед недолюбливал отца, хотя особо не выказывал свою неприязнь, но напряженность в их отношениях чувствовалась всегда. Василий долго не понимал, в чём дело, а когда узнал историю их семьи, всё встало на свои места. И прохладное отношение деда Семёна к старшему внуку тоже объяснилось. Василий порадовался, что у них с женой Катей другая история. Они учились в одном классе. Родители знали друг друга, дружили. Свадьбу сыграли, когда Катя закончила педагогический институт, а Василий — Актюбинское высшее лётное училище. Живут они душа в душу. У них двое детей сын Александр и дочка София, четверо внуков. Сын продолжает лётную династию Звонарёвых. София закончила институт военных переводчиков. Всё у них хорошо. Живи и радуйся, но жизнь командира отряда Василия Сергеевича Звонарёва портят непредвиденные ЧП, которых, к сожалению, не избежать. В самые трудные минуты он вспоминает отца, словно видит его молодого пилота, идущего по Московским улицам навстречу своей мечте, своему счастью...

Закончив школу, Сергей Звонарёв поступил в первый московский городской авиаклуб. Учебная часть располагалась в районе Савёловского вокзала. Дорога занимала более двух с половиной часов в один конец. Родители отговаривали сына, но Серёжа их слушать не хотел. Буду лётчиком и точка. Когда в мае начались полёты неподалёку от города Пушкино, Сергей возликовал. Наконец-то юные лётчики подкрепят теорию практикой. Время первых полётов он вспоминал с теплом и радостью. Всем курсантам выдали комбинезоны, пилотки, удостоверения, книги по лётному делу, которые он потом передал сыну.

Свой первый самостоятельный полёт Сергей запомнил на всю жизнь. Его инструктором была солидная, осанистая женщина Анна Ивановна Шмелькова. Сергей чувствовал себя настоящим героем, который будет показывать лётное мастерство строгой императрице. Так он окрестил Анну Ивановну — Анну Иоановну. Само присутствие этой женщины на аэродроме было чем-то нереальным, не вписывающимся в ритм жизни Страны Советов. Своими мыслями Сергей ни с кем не делился. Держал их при себе. Он — серьёзный человек, будущий лётчик, рождённый, чтобы «сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор.»

Учебно-тренировочный самолёт Як-18 одномоторный двухместный низкоплан с убирающимися шасси и закрытой кабиной использовался в авиаклубах в качестве основного самолёта первоначального обучения. На нём можно было выполнять фигуры высшего пилотажа,

включая перевернутые фигуры. С 1950 года на Як-18 проходили обучение почти все будущие лётчики. Это воодушевляло Сергея.

Они с Анной Ивановной поднялись в кабину курсанта и инструктора, которая была закрыта общим фонарём из оргстекла, состоящим из козырька, средней части, заднего обтекателя и двух сдвижных крышек, которые сдвигались назад и фиксировались пружинными замками в трёх положениях. Кабина была оборудована системой обогрева и вентиляции. Сиденья лётчиков были алюминиевыми и регулировались по высоте. Под сиденьями находились парашюты. Запуск двигателя, уборка и выпуск шасси, управление посадочным щитком и тормозами колёс осуществлялись от основной воздушной системы самолёта.

Сергей выполнил всё, что требовалось перед взлётом. Самолёт разбежался и легко взлетел в небо. Сергей ощутил состояние невесомости. Внутри всё стало лёгким. Душу переполнила безмятежная радость. Его мечта стала реальностью. Он несётся навстречу солнцу, раздвигая облака. Он — птица, познавшая полёт!

— Держи ручку, сынок, — голос Анны Ивановны вернул Сергея в реальность. — Ты готовишься стать лётчиком, значит должен быть внимательным и думать о полёте, а не витать в облаках.

Сергей сосредоточился на приборах, на капоте двигателя, как учили.

— Где наш аэродром? — спросила Анна Ивановна.

— Вот он, — Сергей показал на самое большое поле.

— Эх ты, козявка, — Анна Ивановна развеселилась. — Аэропорт во-о-о-н там, где взлётно-посадочная полоса отмечена, где стоят самолёты и ваши палатки. Запомни, головой нужно думать и быстро соображать. Небо промахов не прощает.

Он запомнил. Анна Ивановна была легендарной личностью. Она была настоящим профессионалом своего дела, жила заботами аэроклуба, любила всех своих мальчишек. Она могла научить летать последнего оболтуса, если он сам этого хотел. Шмелькова стала крёстной матерью многих замечательных пилотов. Сергей об этом знал. Запоминал всё, что она говорила.

— Нет таких ситуаций, из которых нельзя найти выход. Не грусти, козявка! — повторяла Анна Ивановна смеясь. — Всё в твоей голове: страх и бесстрашие, паника и спокойствие, вера и безверие. Помни: ты — лётчик! Ты умеешь летать. Доверься небу, как доверяет ему птица, и всё будет хорошо. Проверяй самолёт перед вылетом, люби его, соединишься с ним, и он тебя не подведёт. Это проверено миллион раз. Во время Великой Отечественной Войны наши лётчики даже на подбитом самолёте возвращались живыми из боя. Живыми!!!

Слова Анны Ивановны Шмельковой Сергей не забыл по сей день. Мысли о ней всегда переключали его на волну радости, сердечности и уверенности в том, что всё будет хорошо, всё получится. Сергей не был баловнем судьбы. Всего в жизни добивался сам, много учился, познавая азы лётного дела. После выпуска из Балашовского авиационного училища его приняли в 247-й отряд Полярной авиации. Летал он вторым пилотом на ближнемагистральном поршневом лайнере ИЛ-14. Который стал последним советским самолётом с поршневыми двигателями. В середине 1960 годов на смену самолётам Ил-14 стали приходить современные турбовинтовые лайнеры Ан-24. Сергею повезло. Он летал почти на всех типах самолётов.

Его первый рейс по маршруту Москва — Череповец — Архангельск — Амдерма — Дискон — Хатанга — Тикси — Чокурдах — Черский — Шмидт — Певек состоялся в канун нового года. Настоящий подарок судьбы молодому пилоту. Сергей впервые увидел Север. Его поразила непроглядная полярная ночь и бескрайность просторов, над которыми они пролетали.

Со временем Сергею стало понятно, почему Север называют царством белого безмолвия. Он понял, что Север ведёт беспощадный отбор, оставляя самых достойных, благородных, бесстрашных и сильных духом людей, которые готовы летать в небе суровом, непредсказуемом, опасном, но по-своему красивом, величественном, озарённом всполохами северного сияния. Полярное небо ошибок никому не прощало, требовало ответственности и мужества.

Уроки лётного мастерства сформировали Сергея, как лётчика и человека. Север заставил его повзрослеть, быть готовым к любым непредвиденным ситуациям, действовать уверенно и быстро.

Летал он вначале вдоль побережья, осваивался, привыкал к обстановке. Через год ему доверили вести ледовую разведку и отвозить научные экспедиции на дрейфующие станции «Северный полюс». Каждый такой полёт добавлял мастерства и уверенности в собственных силах.

На севере, Сергей узнал историю Ерминии Жданко — первой и единственной в мире высокоширотной полярницы, именем которой назвали мыс на острове Брюс в архипелаге Земля Франца Иосифа. На шхуне «Святая Анна», которая летом 1912 году отправилась покорять Северный полюс, Ерминия выполняла обязанности судового врача и была единственной женщиной в команде из двадцати четырёх человек. Профессионалов было четверо: капитан морской офицер Георгий Брусилов, штурман Валериан Альбанов, два гарпунёра.

Брусилов впервые под российским флагом собирался пройти по Северному Ледовитому океану от Архангельска до Владивостока за одну навигацию и доказать возможность регулярного движения в арктических водах. Но грандиозным замыслом капитана не суждено было осуществиться. В середине октября «Святая Анна» вмерзла в ледяное поле у полуострова Ямал, попала в Арктический плен. Никто не думал, что плен этот будет долгим. Но когда в октябре 1912 года ледяное поле «оторвалось от Ямала», и «Святая Анна» пустилась в дрейф, главной задачей людей стало выживание в арктических условиях. Наступила многомесячная полярная ночь, а вместе с ней началась депрессия. Даже полярное сияние, которое многие мечтали увидеть, не только не завораживало своей магической красотой, а нервировало заложников. Тяжелое настоящее и грозное неизвестное будущее с неизбежным голодом впереди создало обстановку нервного заболевания... Половина команды хотела идти на материк, но Брусилов никого не отпускал.

Только в апреле 1914 года он дал согласие на то, чтобы группа из одиннадцати матросов во главе со штурманом Альбановым отправилась на материк. Они взяли с собой почту, копию судового журнала, данные промеров и метеорологических наблюдений, которые сделала Ерминия Жданко. Уходили люди с тяжелым сердцем, но надеялись вернуться и спасти товарищей, оставшихся в ледяном плену... Не спасли. «Святая Анна» бесследно исчезла во льдах Арктики.

До мыса Флор чудом дошли два человека: сам Альбанов и матрос Конрад. За три месяца они преодолели путь в четыреста километров. В августе 1914 года Альбанова и Конрада подобрал корабль «Святой Фока», который возвращался из экспедиции к Северному Полюсу, потеряв своего капитана Георгия Седова.

В сложных условиях перехода погибла половина писем и бумаг, взятых со шхуны «Святая Анна». Сохранившиеся документы оказались очень важными. Промеры северной части Карского моря, сделанные во время дрейфа «Святой Анны» открыли меридиональную впадину длиной почти в пятьсот километров, которую позднее назвали «жёлоб Святой Анны».

Благодаря записям из судового журнала был составлен чёткий подводный рельеф северо-западной, открытой части Карского моря и Ледовитого океана, где до той поры не проходило ни одно судно. Изучив данные дрейфа, учёные сделали вывод о существовании неизвестной земли между семьдесят восьмым и восьмидесятым градусами северной широты, которая была открыта там в 1930 году.

Шхуна «Святая Анна» навсегда ушла в область преданий, домыслов и легенд. О ней в своём романе «Два капитана» написал Вениамин Каверин». Сергей любил этот роман. А когда узнал об Ерминии, которая в свои не полных двадцать лет отправилась в рискованное путешествие, чтобы помочь Брусилову, и два года провела в ледяном плену, спасая команду «Святой Анны» от смерти, сокрушался, почему Каверин обошёл вниманием подвиг этой барышни?

Радовало его, что о подвиге Ерминии не забыли. Именем отважной дочери генерала Жданко в 1953 году назвали мыс на острове Брюс в архипелаге Земля Франца-Иосифа. Именем капитана Георгия Брусилова назван ледяной купол, который находится в неприступных отрогах запретной Новой Земли.

Историки Арктики, учёные, полярные лётчики и всевозможные аналитики пытаются понять, что могло случиться со «Святой Анной» и людьми лейтенанта Брусилова, выдвигают десятки гипотез и теорий, которые остаются пока без ответа... Сергей тоже увлёкся и, пролетая над бескрайними просторами, пытался отыскать следы «Святой Анны». А вдруг?

Работа в полярной авиации была почётной и престижной. Сергей гордился тем, что в их отряде летают прославленные летчики Герои Социалистического Труда Александр Сергеевич Поляков и Борис Семёнович Осипов. Они совершили первый трансконтинентальный перелёт к Южному полюсу в Антарктиду. В декабре 1961 года на самолётах ИЛ-18 и Ан-12 они доставили на континент участников седьмой Советской Арктической экспедиции. Полёт проходил по маршруту: Москва — Ташкент — Дели (Индия) — Рангун (Бирма) — Дарвин (Австралия) — Сидней (Австралия) — Крайстчерч (Новая Зеландия) — Мак-Мердо (Антарктида) — Мирный (Антарктида). Эта воздушная эпопея с наземными посадками для дозаправки продолжалась десять суток.

Путь через четыре континента и два океана самолёт Ан-12 совершил за сорок восемь часов и двадцать семь минут, а ИЛ-18 — за сорок четыре часа сорок шесть минут. Советские полярники проложили новую трассу Москва — Мирный общей протяженностью более двадцати пяти тысяч километров. Перелёт проходил на высоте девять тысяч метров над землёй.

Второго февраля 1962 года самолёты вернулись в Москву. Приветствуя участников встречи, действительный член Международной академии проблем человека в авиации и космонавтике, заслуженный пилот СССР Жорж Шишкин назвал героями участников памятного воздушного перелёта. Они действительно таковыми и были — командир Ил-18 Александр Поляков и командир Ан-12 Борис Осипов, члены их экипажей, да и все, кто отправился тогда в дальний маршрут, последним пунктом которого стал аэродром советской антарктической станции Мирный.

Авторитет Александра Сергеевича Полякова и Бориса Семёновича Осипова — мастеров полётов над «белым безмолвием» без ориентиров в сложнейших метеоусловиях был непрерываем. Они учили Сергея летать «вслепую». Он оценил эти уроки, когда неожиданно налетевший снежный заряд, сделал непроницаемым стекло его кабины. Хорошо, что этот экстремальный полёт длился недолго. Арктика в очередной раз проверила его на прочность. Слава Богу, он экзамен сдал.

Несмотря на всю серьёзность полётов, полярники были людьми весёлыми, давали друг другу разные прозвища: Бармалей, Слон, Мазай, Кардинал. Аэропортам тоже присваивали особые позывные для радиосвязи, которые периодически менялись. Остров Диксон называли «Волкодав». Остров Средний — «Плетёнка». За сто или сто пятьдесят километров до места назначения командир самолёта выходил на внешнюю связь, вызывал диспетчера, чтобы получить разрешение на снижение и узнать условия посадки. Переговоры слышали и другие самолёты. Однажды Сергей услышал в эфире такой разговор:

— Корзина, корзинка, я борт такой-то, прошу снижения и условия посадки.

Диспетчер ничего ему не ответил. Вздвонованный голос командира зазвучал настойчивее:

— Корзинка, корзинка, корзинка... вас вызывает борт такой-то

Снова тишина в эфире. Командир уже кричал во всё горло.

— Ко-о-о-о-рзин-ка-а-а!

Сергей не выдержал, громко сказал:

— Борт такой-то, уточните позывной аэропорта по справочнику.

После небольшой паузы раздался более спокойный голос:

— Корзинка, корзинка... тьфу ты... Плетёнка, плетёнка...

Диспетчер вышел на связь, дал координаты и условия посадки. С тех пор за этим командиром закрепилось прозвище «Корзинка».

Пилотом-инструктором Полярной авиации был Александр Афанасьевич Руднев — «папа Руднев». Его экзаменов в воздухе боялись больше всех проверок и государственных комиссий. Но тот, кто успешно сдавал экзамен «папе», гордился потом этим всю жизнь. Лучшей наградой для полярного лётчика было услышать похвалу от Руднева.

— Будет из тебя толк, паренёк, — сказал он Сергею после проверки. Эти слова стали для него талисманом, спасательным кругом, не раз выручали в трудную минуту. Сергей охотно учился у Руднева. Тот отлично знал все маршруты полётов, превышение высот над уровнем моря, ширину каждого пролива и требовал от лётчиков таких же идеальных знаний.

— Арктика не смотрит на чины-кресты и не прощает даже малейшую оплошность, — постоянно повторял он на разборах. — Авиация не любит поспешность и неоправданный риск. Никогда не спешите. Готовьтесь к полётам тщательно. Я рассказываю вам то, что вы не найдёте ни в каких лётных документах Гражданской авиации. Полёты в Арктике и Антарктике выполняются по своим строго отработанным методикам, проверенным на жизненном опыте.

Сергей убедился в правильности слов «папы Руднева», когда участвовал в испытаниях лыжных шасси на Ил-14 в Антарктиде. Пилотам пришлось отрабатывать методику взлёта с коротких взлётно-посадочных полос, с довыпуском закрылков на пять — десять градусов. Такую методику предложил Валентин Иванович Аккуратов заслуженный штурман СССР — легендарная личность. Он пришёл в Полярную авиацию в 1934 года, летал в ледовой разведке. В 1936 году вместе с Героем Советского Союза Михаилом Водопьяновым совершил высокоширотный полёт на остров Рудольф в Земле Франца Иосифа, участвовал в высадке на лёд первой дрейфующей станции «Северный полюс -1», трижды летал на Северный полюс недоступности с острова Врангеля, совершил беспосадочный полёт от мыса Челюскин до Северного полюса, оттуда к Новосибирским островам, чтобы проверить работу приборов самолета при переходе из полярной ночи в полярный день.

Во время Великой Отечественной Войны Аккуратов был штурманом корабля Московской авиационной группы особого назначения. Принимал участие в эвакуации советского правительства из Москвы в Куйбышев осенью 1941 года. Летал в блокадный Ленинград и в ледовую разведку в Заполярье. Совершил восемьдесят боевых вылетов на самолёте Ли-2 и двадцать шесть боевых вылетов на самолёте-амфибии «Консолидейтед». Войну закончил в звании майора и снова вернулся в Полярную авиацию.

Вместе с гидрологами научно-исследовательского института Арктики и Антарктики Аккуратов разработал единую систему ледовых обозначений и терминологию для нанесения на карты ледовой разведки. Карты ледовой разведки с рекомендацией безопасных проходов во льдах пилоты сбрасывали на ледоколы — головные корабли караванов, идущих по Северному морскому пути.

Брали в ледовую разведку только асов своего дела. Полёты проходили на низкой высоте, что позволяло хорошо видеть, где море, а где лёд и выводить корабли на чистую воду. Шиком у полярников считалось «положить» пенал с картой ледовой обстановки к ногам капитана ледокола. Это было непросто и даже опасно. Чтобы уложить вымпел на палубу и не задеть за мачты, требовалось высочайшее мастерство, слаженная работа экипажа, точный расчёт траектории полёта с учётом скорости и направления ветра. Пилоты шли на риск, понимая, как важна для каравана карта ледовой обстановки.

Со временем появилась аппаратура, передающая информацию с самолёта на корабль, рискованные трюки прекратились. Сейчас смешно вспоминать о тех допотопных методах, но они — часть истории нашей Полярной Авиации, которая спасла много жизней.

Сегодня слова «ледовая разведка», «дрейфующая станция», «Северный полюс» практически не звучат. Их заменили слова: «нет денег», «нужно оптимизировать процесс» и т. д.

Каждый раз, когда Сергей вспоминал Север, душу переполняла щемящая тоска по юности, по тем этапам жизни, которые невозможно повторить. Сколько интересных людей, специалистов высочайшего класса встретил он на своём пути. Гидрологи могли по цвету льда определить толщину, которая лучше всего подойдёт для дрейфующей экспедиции. Они знали про лёд всё и с лёгкостью рисовали карты ледовой обстановки.

Полёты с гидрологами обычно занимали более десяти часов. У самолёта разведчика было два дополнительных топливных бака внутри фюзеляжа по девятьсот восемьдесят литров каждый, насос для перекачки топлива в основные баки, специальные устройства для аварийного слива топлива в случае отказа одного из двигателей. Снизу в хвостовой части на полтора метра торчала труба шириной в пятнадцать сантиметров. Кран для слива находился внутри фюзеляжа. Пилоты нежно называли сливную трубу «бомбосбрасыватель».

Была на самолёте маленькая кухня с набором посуды и электроплиткой. Кашеварил обычно бортмеханик. Он был самым свободным. Пилоты внимательно следили за полётом, который проходил по кромке льда на высоте всего триста метров. Штурман прокладывал маршрут, бортрадист передавал данные, гидрологи неотрывно смотрели в иллюминаторы. Когда находилась подходящая льдина, на неё сбрасывали дымовую шашку. Это называлось «подкоптить льдину», чтобы облегчить её поиск второму самолёту. Точные данные льдины передавали туда, где их ждали. Всё зависело от конкретных целей и задач, которые будет решать дрейфующая экспедиция.

Бывалые пилоты сбрасывали на льдину две-три пустые бочки, смотрели чтобы рядом не было больших старых паковых льдов или остатков айсбергов, которые могут снести будущий лагерь полярников. Когда подготовка заканчивалась, давалась команда второму самолёту Ли-2 на лыжных шасси, который вылетал на льдину вместе с командой руководителя полётов. В команду входили радист с радиостанцией, тракторист с миниатюрным трактором с ковшом по прозвищу «французик», набор лопат, кирок, дымовых и топливных шашек, красная арктическая палатка Шапошникова для жилья членов экспедиции, набор продуктов, газовая горелка, дополнительные баллоны.

Посадка на льдину опасное дело. Не известно, что там под снегом: трещины или другие препятствия, которые её затруднят. После посадки обязательно проводятся промеры льда и, если всё в норме, то группа руководителя полётов готовит взлётно-посадочную полосу длиной восемьсот — восемьсот пятьдесят метров и разбивается лагерь. Когда всё готово, прилетает экспедиция с необходимым грузом и оборудованием для зимовки.

Ледовая разведка ведётся непрерывно с февраля по май практически без выходных. Зато потом лётчикам давали двухмесячный отпуск. Вернуться из белого безмолвия в цветущую майскую Москву было настоящим счастьем. Сергей помнил каждый свой весенний приезд. После обжигающего морозного воздуха запах весны казался ему дурманящим и пьянящим.

Ему не хотелось никуда спешить, не хотелось погружаться в суету. Хотелось сидеть в сквере и смотреть на красивых девушек, пролетающих стайками мимо.

Так было в тот день, когда он увидел её. Она шла по скверу в солнечной кофточке и солнечно ему улыбалась. Может, и не ему вовсе, но он почувствовал в этой девушке что-то родное-родное и оробел. Полярный волк стоял перед ней не решаясь вымолвить ни слова.

— «Капитан, капитан, улыбнитесь», — пропела она, рассмеялась. — Сергей, неужели вы меня не узнали?

Минуту он смотрел на неё во все глаза и не мог поверить в то, что девочка из соседнего дома, похожая на гадкого утёнка, стала та-а-а-кой красавицей, барышней. Её имя вертелось у него на языке, но он был нем. Она пришла ему на помощь, протянула руку.

— Я, Валя, Валентина Смирнова.

— Ва-а-а-ля, Ва-лен-тина, — Сергей наконец-то ожил, поцеловал её ручку. — Какая вы... ты... выросла...

— Выросла, — теперь смутилась она, убрала руку, спрятала её за спину. — В институте культуры учусь на искусствоведа. А вы... ты — в полярной авиации летаешь?

— Да. Откуда знаешь?

— Мама твоя Зоя Викторовна сказала. Мы с ней часто о тебе разговариваем. Она тебя любит и ждёт из полётов. Волнуется всегда. Север — это не шуточки.

— Не шуточки, — Сергей совсем осмелел. Перешел в наступление, приобнял Валентину. — А ты меня ждать будешь? Будешь?

— Вы меня замуж зовёте, Сергей Васильевич? — краска залила Валино лицо. От этого оно стало ещё прекраснее и роднее.

— Зову, — он поцеловал её в пылающую щёку. — Сватов к тебе прислать завтра или пару дней на раздумье дать?

— Дайте, пожалуйста, — она вырвалась из его объятий, убежала, умчалась, улетела.

— Ребёнок, сущий ребёнок, — подумал он с нежностью и пошёл домой, напевая «капитан, капитан, улыбнитесь...»

Новое, волшебное чувство ворвалось в его жизнь запахом сирени и солнечным светом. Привыкший к чёрно-белому безмолвию Севера, он опьянел от обилия красок и света, соединившихся в имени Ва-лен-ти-на...

В солнечной кофточке
С солнечным взглядом
Лёгкой походкой по скверу идёт.
Вижу её, и душа замирает,
Вижу её, и сердце поёт.
Солнечным зайчиком мчится навстречу
Солнечной девочке радость моя,
Птицы на все голоса повторяют:
— Как хорошо, что я встретил тебя!

Любовь

На следующий день Сергей пошёл к Смирновым с букетом цветов. Пили на кухне чай с вишнёвым вареньем без косточек — неслыханная роскошь. Разговор поначалу не клеился, оба смущались.

— Сергей, расскажи про Север, — попросила мама Валентины Ангелина Андреевна. Он воспрял духом. Про Север он может говорить часами, если не остановят.

— Белое безмолвие пугает и завораживает одновременно. Тот, кто попал туда однажды, стал пленником холодной, безжизненной красоты. Возвращаться обратно полярники не торопятся.

— А вы? — в голосе Валентины прозвучал испуг. — Ты хочешь остаться там?

— И да, и нет, — он улыбнулся. Понял, он ей не безразличен. Она тоже переполнена эмоциями. В ней горит огонь любви. Надо его разжечь ещё сильнее. Он положил руку ей на руку. — Валечка, на Севере я скучаю по Москве, по ярким краскам и белой сирени. А здесь мне не хватает суровой сдержанности Арктики. Здесь я словно не в своей тарелке. Смущаюсь, как юнец безусый. Предложение пришёл тебе сделать и... — хмыкнул. — Одним словом, поедешь со мной? При свидетелях спрашиваю.

— Ой, Серёжа... это так неожиданно, — Валентина покраснела. Он понял, что с матерью они этот вопрос уже обсудили. Оставалось узнать, каким будет положительный ответ. Серёжа прозвучало так нежно, что он осмелел, заговорил с жаром.

— Ангелина Андреевна, я зову вашу дочь с собой, потому что не знаю, как я теперь жить без неё буду. Ничего между нами не было, а такое чувство, словно было, было, было. Мы такие родные с Валюшей, не разделить. Она это тоже чувствует. Так ведь, Валечка?

— Так, — голос дрогнул слёзы блеснули в уголочках глаз. — Так... Мне страшно от этих новых чувств... Я Севера боюсь. Я тут читала про Ермению Жданко, которая в 1912 году на шхуне «Святая Анна» пошла покорять Северный полюс и пропала без вести. Шхуна вмерзла в лёд, и след юной барышни затерялся во льдах.

— Глупенькая ты моя, — Сергей погладил Валу по руке. — Про Ермению мы тоже знаем. Поиски пропавшей экспедиции ведутся до сих пор. Мало того, их ведёт наш замечательный штурман Аккуратов, который знает Север, как свои пять пальцев. Но мы не об этом. Ермения наша на шхуне в Северный ледовитый океан пошла в компании двадцати четырёх мужчин. А мы на самолётах летаем над северным безмолвием. Авиация — это другой вид транспорта. Да и время другое уже, не 1912 год.

Мы — икары небесных широт, покорители Арктики и Антарктики. Мы дружим с пингвинами и белыми медведями. Северным сиянием любимся. К тому же, ты на земле будешь жить, в тепле и уюте, накудренная, напудренная.

— Северное сияние — это волшебное... — сказала молчавшая до сих пор Ангелина Андреевна. — Только вот кудри Валя не завивает и пудрой не пудрится. Естественной красотой богата...

— Простите, это я пошутил неудачно, — он смутился. Отругал поспешный свой язык. Вспомнил «папу Руднева», вздохнул. Приготовился выдержать бомбардировку тётки.

— Пойми нас правильно, Серёжа, Валечка ещё юная совсем. Она не готова сломя голову лететь в неизвестность, — голос Ангелины Андреевны звучал властно, убедительно.

— Вы мне отказываете? Отворот — поворот, значит, — Сергей поднялся.

— Да нет же, нет, — Валя вскочила. — Я хочу быть с тобой, но... — плюхнулась на стул, закрыла лицо руками, всхлипнула. — Не могу я всё бросить сейчас. Мне ещё четыре года учиться. Как я уеду? Куду? Смогу ли я жить вдали от родных?

Её простые вопросы Сергея отрезвили. Он понял, насколько нелепо звать девушку туда, не зная куда, в Полярную ночь и одиночество. Они живут в промёрзшей гостинице по пять — шесть человек в комнате. Они летают по десять — двенадцать часов, а потом валяются без сил. Что будет делать она? Сидеть у окошка и ждать? Нет, пусть уж лучше с мамочкой в Москве живёт в тепле и любви, наслаждаясь солнечным светом и буйством красок.

— Прости, раскомандовался я тут, — сказал он, проведя рукой по её волосам. Улыбнулся — нежнейший шёлк. — Вы правы. Север характер проверяет. Только самые отважные его покорить могут. А ты, Валечка, барышня утончённая, замёрзнешь там. Да и жить пока негде. Некуда мне молодую жену привести. Не торопись. Учись...

— Спасибо, — она встала, прижалась к нему. Огненная вспышка ослепила обоих. Сергей целовал её мокрое от слёз лицо и никак не мог найти губы. Ангелина Андреевна перестала дышать. Ей передалась энергия любви и счастья дочери. Возможно, она в этот момент вспоминала свой первый поцелуй.

— Девочки, кто это у нас в гостях? — громкий мужской голос заставил Сергея и Валентину разжать объятия. В дверном проёме появился высоченный седой генерал. Проём был явно ему мал. Голова генерала прижалась к груди, потом вытянулась вперёд и только потом в кухню вошёл будущий тесть.

— Здравие желаю, товарищ генерал! — Сергей вытянулся во фрунт. Взгляд у генерала был суровым, желваки ходили на скулах. В любой момент револьвер достанет и пристрелит паршивца. — Я — Сергей Звонарёв — командир корабля Ил-14, лётчик Полярной авиации.

— Наслышан о вас, молодой человек, — лицо генерала подобрело. Он пожал Сергею руку. Сел сам, указал Сергею на стул напротив. — Надолго к нам?

— Через месяц назад. Ледовая разведка — дело серьёзное. Длинных отпусков нам не дают.

— Через месяц... Валечка, чаю мне налей. Что-то у тебя руки дрожат и глаза на мокром месте. Влюбилась что ли?

— Папа? — она нахмурилась.

— Я знаю, что я — твой па-па, папка, — рассмеялся. — Стесняться своих чувств не нужно, детка. Правда, мать? — та кивнула. Было видно, что без разрешения в доме никто слова сказать не может. Генерал всегда прав. Впрочем, как и командир. В этом они с тестем похожи.

— Первая любовь — прекрасное чувство, — генерал приобнял дочь. — Лётчик какой к тебе в гости пришёл, в женихи метит. Рада? — она кивнула, не замечая сарказма в его словах. — Но ты ведь тоже, не так себе птичка, дочка генеральская! Ухажёр твой папочке с мамочкой понравиться должен, чтобы они разрешение вам дали на объятия и прочие шуры-муры, — строго посмотрел на Сергея. — Не вздумай раньше времени руки распускать, летун. Знаем мы залётных таких... Если узнаю... — сжал увесистый кулак перед носом Сергея. — Понял?

— Пап, перестань, пожалуйста, — Вале стало стыдно за отца. — Сергей мне предложение сделал.

— Пред-ло-же-ние... — генерал хохотнул. — И что ты ему ответила?

— Я люблю его, папа, — выкрикнула Валя, схватив Сергея за руку. — Я с ним на Север поеду в Антарктиду.

— Героиня, — генерал рассмеялся от души. — Дурочка ты моя. Мала ты ещё, чтобы такие героические поступки совершать. Да и лётчик твой — козявка ещё. Козявка...

— Спасибо на добром слове, товарищ генерал, — сказал Сергей, поднявшись. Всё внутри кипело и клекотало, как в жерле извергающегося вулкана, но он сдержался. Вспомнил свою Анну Ивановну Шмелькову, которая его первое время «козявкой» называла, а потом изменила своё отношение к молодому, перспективному лётчику. Благословила его на полёты в Полярной авиации. И «папа Руднев» его хвалит. Значит, не такой уж он никчёмный человечек, как думает генерал. Насмешки его только силы и уверенности капитану добавляют. Валя его любит. Она

это громко заявила. Значит, печалиться не стоит. Всё у них сложится. Вместе они все невзгоды преодолеют. Рука у неё сильная. Держит его крепко, не отпустит ни за что.

— Разрешите идти, товарищ генерал? — Сергей посмотрел на Валю.

— Идите, — генерал обмяк. — Ангелина, накорми меня. Я голодный, как собака и злой, как тысяча волков...

Валентина и Сергей вышли из кухни. Она закрыла за собой дверь, шепнула:

— Не сердись на папку, пожалуйста. Он хороший. Ты иди. Я к вам сама зайду... сегодня вечером. Иди, — чмокнула его в щёку.

Сергей лежал на кровати, смотрел в потолок. В груди что-то тонко-тонко ныло. Монотонный этот звук нарастал, превращаясь в недоброе предчувствие. Сергей думал о странном наваждении, произошедшем с ним. Сравнивал своё состояние с болезненным бредом, от которого нужно поскорее избавиться. Зачем ему жена? Обуза. Чемодан без ручки, который придётся оставить в Москве. Он уедет один, а её окружит весёлая, беззаботная жизнь: танцульки, кавалеры, соблазны... А у него там, на Севере, соблазнов нет. Там сложная, опасная работа, вечная мерзлота и холод. Нет, ещё есть повар дядя Вася со своим вкуснейшим борщом.

Сергей встал, подошёл к окну. Через двор бежала Валя, Валечка... Её легкое цветастое платье взлетало вверх-вниз, как крылья бабочки, оголяя колени. Здравый смысл отступил. Голос любви зазвучал в полную мощь! Сергей помчался Вале навстречу.

Они стояли в подъезде, прижавшись друг к другу. Он целовал её мокрое от слёз лицо и никак не мог найти губы, как тогда, на кухне. Валя была невысокого роста и от смущения опускала голову всё ниже и ниже. Шаги, поднимающегося по ступеням человека, заставили их разжать объятия, войти в квартиру.

Теперь они сидели на кухне Сергея, пили чай с малиновым вареньем. Мама Сергея угощала Валю пирожками. Мамино присутствие вносило в обстановку столько доброты и нежности, что все сомнения Сергея улетучились, исчезли окончательно и бесповоротно. Он твёрдо решил: женюсь и выпалил:

— Мама, мы с Валею решили пожениться.

— Какое радостное известие, Серёженька! — Зоя Викторовна прижала руки к груди, улыbnулась. — Валечка, родненькая, неужели ты дала согласие этому полярному медведю?

— Дала, — она кивнула. — Вот паспорт принесла. Завтра пойдем заявление в ЗАГС подавать.

— Родители твой выбор одобрили? — Зоя Викторовна внимательно посмотрела на Валю.

— Нет, — она потупила взор. — Отец сказал, что я ещё не доросла. А мама... мама — его адъютант. Она ему никогда не перечит. Генерал всегда прав. Если он не прав, смотри пункт первый... — Валя подняла голову. — А я понимаю, что нельзя мне Серёже отказывать. Я ему нужна. Ведь так? — сжала его руку. — Так?

— Да, — он поцеловал кончики её пальцев. — Квартиру снимем с тобой. Денег хватит. Я два чемодана денег с Севера привёз. Нам хорошо платят.

— Шутишь?

— Нет, не шутит. Вон чемоданы у двери стоят, — Зоя Викторовна улыbnулась. — Отец наш даже испугался. Спросил: сынок, ты не с воровской ли шайкой связался? Столько денег в наше время никто не получает. А Сергей ему: батя, не обижай полярного лётчика. Я жизнью рискую, ледовую разведку веду, полярные дрейфующие экспедиции сопровождаю, а ты... воровская шайка... — рассмеялась, но через минуту стала серьёзной. — Сложная, опасная работа в Полярной авиации, Валечка. Ты готова ждать-то его? Ночами не спать, вздрагивать от телефонных звонков?

— Готова, — отчеканила по-военному Валя. Не даром, дочь генеральская. Сергей улыbnулся. Героиня какая. Ну-ну.

— Хорошо, — Зоя Викторовна обрадовалась. Валя ей нравилась. Она давно мечтала сына женить на этой милой, доброй девчущке.

— Я пока учиться буду. Мне без Сергея скучать не придётся. Квартиру снимать не нужно. Жить я могу и дома, а когда Сергей вернётся...

— Я, между прочим, пока ещё никуда не улетаю, — громко сказал Сергей, поднявшись. — У меня отпуск только начался. Предлагаю пройти в мою комнату и поговорить о наших перспективных планах...

Пропустил Валу вперёд, закрыл дверь, прижался к ней спиной. Спросил строго:

— Ну, что скажешь, жена моя будущая, здесь жить будем или на квартиру пойдём?

— Можно и здесь. Комната у тебя большая, светлая. Книг много. Стол у окна. Заниматься удобно. С мамой твоей мы дружим.

— Покладистая ты барышня, Валентина Смирнова, — он обнял её. — Фамилию мою возьмёшь, станешь Звонарёвой.

— Стану, — она подняла голову. Он, наконец-то, нашёл её губы. Нашёл, чтобы никогда больше не терять...

Они расписались через три дня и уехали в Ленинград. Будущий искусствовед Валентина с жаром рассказывала своему мужу обо всех достопримечательностях северной столицы. Незабываемый медовый месяц провели они на Неве. Настало время Сергею уезжать. Пришлось идти к Валиным родителям.

Генерал встретил их недружелюбно. Лицо багровое, желваки ходят, губы крепко сжаты. Бережёт силы для крепкого словца в адрес новоявленного зятя и дочери, нарушившей родительский запрет. Он-то думал, что дочь в строительном отряде, а она в свадебном наряде. Хотя, не в свадебном. Свадьбы-то не было. По-студенчески, по-босаяцки без родных и друзей обошлись. Сами с усами. Ну-ну...

Ангелина Андреевна всхлипнула. Родная доченька, единственная, а как плохо поступила. Родителям ничего о своём решении не сказала, на свадьбу не позвала. За босняка замуж высочила. Жить-то где теперь? У них нельзя. Семён Михайлович со света сживёт. У Звонарёвых квартира маленькая. Им самим тесно. Но деваться-то некуда. Жить где-то на съёмной квартире без удобств и горячей воды доченька генеральская не сможет. Пусть уж лучше к Звонарёвым идут. Нужно смириться, раз уж ничего исправить нельзя. Время всё по местам расставит. Если нужно им вместе быть, будут. Если нет, другого мужа найдёт себе Валечка, земного...

— Живите, где хотите, только не у нас, — рявкнул генерал. — Я вам помогать не стану и денег не дам.

— Спасибо, папочка родненький, — Валентина поцеловала его, повеселена. — Мы у Серёжи жить будем. Вернее, я буду...

— Что-о-оо? — голос генерала превратился в Царь-Колокол. — Он женился и ласты склеивает?

— Семён Михайлович, не кричите, пожалуйста. Я еду на работу. Валя не может пока со мной поехать. Ей учиться нужно. Я через месяц вернусь. Работа полярного лётчика особенная. Вы — военный человек знаете, что такое устав и приказ, — Сергей старался говорить спокойно, но это стоило ему невероятных усилий. Всё внутри кипело. Не мог он понять, как этот солдафон вырастил такую нежную, умную, добрую дочь. Валя в этой семье казалась чужеродным элементом, случайно появившимся здесь для него, Сергея.

— Свободны все. Видеть никого не желаю! — заорал генерал — Геля, налей мне валерьянки...

Валентина и Сергей ушли. Он был счастлив, что экзекуция закончилась быстро и достаточно благополучно. Валерьянка для генерала — это самое страшное, что они слышали. Ко всему остальному, они были готовы.

— Я у вас буду жить, — сказала Валя. — Домой не пойду. Отец меня упрёками замучает. Надоело бояться. Хочу радоваться жизни. Ты, Серёженька, летай, а я буду думать о тебе, посылать тебе любовь свою через тысячу вёрст.

— А я тебе свою, — Сергей поцеловал Валю. — Дорогая, любимая, верь, я тебя не забыл, я скучаю. В небе тёмном полярном летаю, посылаю тебе привет. Прилечу и тюльпанов корзину в день рожденья тебе подарю. Я люблю, я люблю, я люблю!!! Я люблю тебя, Ва-лен-ти-на!!!

Я лечу в объятья к солнцу.
Я лечу в объятья к Богу.
Все печали и тревоги
Исчезают понемногу,
Испаряются, сгорают
В свете Божьего Огня,
Чтобы сделать совершенным,
Независимым меня.
Всё ненужное плохое,
Злобу, ненависть — долой.
Наполняю свою душу
Безграничной добротой,
Счастьем, радостью, любовью
И стремлением вперёд,
В мир, где Вечный, Неизменный
Наш Святой Творец живёт.
Там известны тайны сердца
И звучит Благая весть.
Там для всех, кто верит в Бога,
Помощь и спасенье есть!

Сергей вернулся домой через три месяца. Счастливая Валентина сообщила ему, что у них скоро родится ребёнок. Это стало для него самым потрясающим сообщением, перевернувшим жизнь. Сергей из разряда желторотых юнцов переходил в разряд отцов. А там и до звания генерала рукой подать. Хотя, Северу звания и чины не нужны. Главное, чтобы ты был мастером своего дела...

В положенный срок Валентина родила сына. Они назвали его Василием, Васильком. Через полгода после его рождения Сергей был назначен на должность командира сводного авиационного отряда в шестнадцатой арктической экспедиции. Это назначение стало не только высокой оценкой его полётов в Полярной авиации, но и колоссальной ответственностью легло на его плечи. Валя обрадовалась, но узнав, что Сергею придётся на год уехать от них, сникла. Они ведь налюбоваться друг другом ещё не успели. Да и сыночку папа нужен. Как он без папиной ласки и любви расти станет? Мысли терзали её, разрывали сердце, но она не стала умолять мужа остаться. Знала, как важна для него работа. Как нужны ему эти полёты в белом безмолвии. Она справится. Год без Сергея пролетит быстро в заботах о сыне, в сдаче зачётов и экзаменов. Валя хотела закончить институт экстерном, не смогла. Малыш требовал к себе повышенного внимания. Он был главным, а учёба отступала на второй план, на потом, а с нею и ненужные мысли. Некогда ей было погружаться в них да и незачем.

Сергей сказал жене, что в сводный отряд, командиром которого его назначили, отобрали шестьдесят восемь авиаспециалистов. У них будет четыре самолёта ИЛ-14 и четыре АН-2. В Антарктиде он будет не только летать, но и заниматься хозяйственной деятельностью.

— Справлюсь ли я с этим? — в голосе Сергея прозвучала неуверенность.

— Справишься, — Валя почувствовала неимоверную силу женской любви и нежности, прижалась к мужу. — Справишься, мы в тебя верим, Серёженька. Даже мой папа понял, что ты — настоящий мужчина. Он с тобой хочет помириться.

— А мы разве ссорились? — Сергей усмехнулся. — Папа твой нам просто на дверь указал, а мы сопротивляться не стали, уши не попросившись. Свой характер показали, вот и всё.

— Время мира настало, милый. Можно я их завтра к нам на чай приглашу? Отметим полгода сыну и твоё назначение.

— Хорошо, что ты Василия на первое место поставила. Он важнее всех нас. Мы его любовью и заботой окружить должны, чтобы рос он добрым, честным, мужественным человеком...

Валины родители пришли в назначенный час. Нарядные с подарками для внука. Генерал обнял дочь, пожал руку Сергею. Рука у него была большая, рукопожатие крепким.

— Спасибо тебе, Сергей, что в бутылку не полез тогда. Прости меня дурака строго. Гонор свой не могу никак побороть. Сам понимаешь, звание, погоны, привычки... сделали меня толстокожим бизоном... А ведь я добрый по натуре человек, заботливый, нежный, любящий, — вздохнул. — Куда всё делось? Стал я твердолобым дуболомом, поговорку оправдываю своим поведением... Только обороняюсь я от своих дорогих, любимых людей, от родненьких деточек, а не от внешних врагов. Такая вот глупость получается... Твои родители люди простые без званий, а сколько в них мудрости, сердечности и любви. Спасибо им, что вас приютили. Радуюсь теперь, видя, как мальчонка растёт. А мы... эх, Дуболом Михайлович, поделом тебе...

— Папа, да кто же тебе запрещает Василька нянчить? Приходи хоть каждый день.

— Не могу, служба... Изредка заходить буду, — взял малыша на руки, прослезился от счастья. — Второго сына Семёном назовите, пожалуйста, Семой в мою честь. Уважьте дедушку...

— Уважим, — Сергей обнял Валентину. Та поддакнула. Лицо генерала просило.

— Гора с плеч. Спасибо вам, дети...

— В нашей семье наступили мир и порядок, значит и в Антарктиде всё будет прекрасно, — сказал Сергей, когда Валины родители ушли.

Но провидению было угодно нарушить последовательность прекрасных совпадений, разбавив её испытаниями и трудностями. Они начались с подготовки к отправлению в экспедицию. Снабженцы экономили каждый рубль, а Сергей бился за каждую позицию, требуя всё самое лучшее. Набил много шишек, но не сдался. Полгода ушло на подготовку.

Васенька ходить начал, говорить. Первое слово «папа» сказал громко, развеселил всех. Второе «лелеть», а потом уже «мама», «баба», «деда», «дай». Сергей обрадовался:

— Сын мне разрешил лететь! Значит, скоро улечу. Закончатся мытарства наши. Мы покорим Антарктиду...

Антарктида

Перед отъездом Сергей рассказал Валентине всё, что знал об Антарктиде. Она слушала с интересом и плохо скрываемым волнением. Ей становились явственно видны те трудности, с которыми придётся столкнуться её мужу и его команде. Страх сковывал её сознание. Но она старалась изо всех сил не выпускать его наружу. Она знала, что с людьми происходит то, чего они больше всего боятся. Страх, словно, материализуется и наносит удар в спину. Нет, она этого не желает. Сергей вернётся победителем. Он тщательно подготовился, всё-всё продумал и предусмотрел. К тому же, прогресс далеко шагнул вперёд. Они живут в другом веке. В другом...

— Антарктиду открыла в 1820 году русская экспедиция Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева, но первыми вступили на этот ледяной континент норвежский полярный путешественник Рауль Амундсен и капитан королевского флота Великобритании Роберт Фолкон Скотт. Южный полюс был покорен 14 декабря 1911 года. Покорение превратилось в ожесточённое сражение двух команд путешественников. И как бывает в сражениях, кто-то должен был проиграть. Но то, что проигрыш обернётся катастрофой, не предполагал никто.

— Как иногда бездумно поступают люди. Сломая голову лезут туда, куда даже смотреть не нужно, — сказала Валентина, вздохнув. — Первопроходцы, первооткрыватели берут на себя ответственность перед остальными, прокладывая путь, открывая неведомое. А люди даже не задумываются над тем, что такие открытия связаны с большим риском для жизни.

— Ты права. Вдалеке от Антарктиды мало кто тогда задумывался над тем, что на кону не только приоритет открытия, но и человеческие жизни. Новости о том, что две команды исследователей готовятся к старту практически одновременно, вызвала большой ажиотаж в мире. Никогда ещё гонка за географическим открытием не была так похожа на спортивное состязание. Не думал об опасности офицера британского флота Роберт Скотт, который был назначен начальником экспедиции в Антарктиду. Он не был энтузиастом полярных исследований, но к порученному делу подошёл с полной ответственностью и добился неплохих результатов во время первой экспедиции в 1901 году. Тогда британцы дошли до отметки восемьдесят два градуса одиннадцать минут южной широты. До Южного полюса оставалось восемьсот пятьдесят километров. Дальше этой отметки в Антарктиде не продвигался никто.

По итогам своей первой экспедиции Роберт Скотт написал: «Мы были ужасающе невежественны: не знали, сколько брать с собой продовольствия и какое именно, как готовить на наших печах, как разбивать палатки и даже как одеваться. Снаряжение наше совершенно не было испытано, и в условиях всеобщего невежества особенно чувствовалось отсутствие системы во всём».

В 1907 году бывший участник первой экспедиции Роберта Скотта Эрнест Шеклтон возглавил новую попытку достичь Южного полюса. Он не дошёл до полюса всего сто восемьдесят километров.

Скотта это задело. Он считал, что приоритет должен остаться за ним и в июне 1910 года начал новую экспедицию в Антарктиду, заявив, что главной его целью будет «достичь Южного полюса, а также обеспечить для Британской империи честь этого достижения».

Роберт знал о появлении конкурента, но намерения Амундсена всерьёз не принимал, полагая, что норвежцу для реализации своего плана просто не хватит опыта. Так полагало и большинство наблюдателей, следивших за новой «гонкой к полюсу». Мало кто из них знал, что Амундсен — крепкий орешек.

Ещё в юности он интересовался исследованиям Арктики и Антарктики, и планомерно готовил себя к карьере путешественника, не только пополняя багаж знаний, но и улучшая свою физическую форму. В 1897—1899 годах начинающий полярник Амундсен участвовал в бель-

гийской антарктической экспедиции вместе с Фредериком Куком — один из первооткрывателей Северного полюса.

Амундсен тоже хотел покорить Северный полюс, но когда в сентябре 1909 года Кук и Пири заявили свои права на первенство, понял, что на северной «вершине мира» он будет только вторым или третьим. Тогда Амундсен заявил, что намерен первым достигнуть Южного полюса. Многим его намерение тогда показалось блефом. Но сам Рауль был уверен в победе. Эта самоуверенность помогла ему победить в этой гонке, — Сергей обнял жену. — Я тоже самоуверенный человек, поэтому не волнуйся за меня, Валечка. Хотя, волнуйся, но по-хорошему.

— Хорошо, Серёжа. Я буду посылать тебе лучики любви. Любовь — это самая мощная защита и оберег. Наверно, у Амундсена была такая защита.

— Наверно, дорогая. Амундсен собрал большую команду ездовых собак. Все члены его экспедиции были прекрасными лыжниками. А в экспедиции Роберта Скотта собачьи упряжки составили лишь часть транспорта. Основная ставка была сделана на использование технической новинки — мотосаней и лошадей. Должного внимания лыжной подготовке британцы не уделили и проиграли, несмотря на то, что их маршрут был разведан до точки, которой достиг Шеклтон и разбили они свой лагерь на десять дней раньше, чем Амундсен 4 января 1911 года в тысяча триста восемьдесят одном километре от точки Южного полюса.

Команда Амундсена ступила на землю Антарктиды 14 января 1911 года. Их лагерь располагался в Китовой бухте, и перед ними простиралась тысяча двести восемьдесят пять километров неразведанного маршрута.

Обе команды начали подготовку к походу на полюс, лишь в общих чертах зная о намерениях друг друга. Но 4 февраля корабль экспедиции Скотта, двигаясь вдоль побережья, зашёл в Китовую бухту, и обнаружил там норвежцев. У Амундсена дела шли неплохо, чего нельзя было сказать о британцах — акклиматизация лошадей затянулась, одни мотосани были разбиты, да и в целом их подготовка оставляла желать лучшего.

Новость о присутствии Амундсена шокировала Скотта и его команду. У них возникло желание отправиться в лагерь норвежцев и расправиться с ними. Роберт Скотт тоже был в смятении, но голос разума подсказал ему, что правильным и разумным будет вести себя так, как будто ничего не произошло. Он написал в своём дневнике: «Нам нужно идти вперёд и постараться сделать всё, что в наших силах, ради чести родины — без страха или паники».

Скотт понял, что ставка Амундсена на собак более верная, но всё ещё продолжал верить, что его преимущество в виде проверенного маршрута важнее и выигрышнее.

Переждав в базовых лагерях суровую арктическую зиму команды «вышли на старт». Амундсен стартовал 19 октября 1911 года, а Скотт из-за проблем с лошадьми и непогоды смог выступить только 1 ноября почти на две недели позже. Британцы пребывали в скверном расположении духа, думая не только и не столько о трудностях пути, но о том, где находятся сейчас конкуренты.

Норвежцы ушли вперёд. Хоть Амундсен и терял собак, но количество упряжек, взятых в поход, не делало ситуацию катастрофической. У Скотта дела шли плохо — ещё одни мотосани, на которые делалась большая ставка, были разбиты, начался падёж лошадей, и вскоре главным «двигателем» стала мускульная сила людей. В своих записях Скотт снова жаловался на то, что даже в этих условиях его товарищи брезгают лыжами.

Положение Амундсена не было идеальным. После восемьдесят пятой широты норвежцы оказались в зоне глубоких трещин на высоте трёх тысяч тридцати метров над уровнем моря. С огромным трудом удалось пройти расположенный в этом районе ледник, который они называли — Чёртов ледник. А территорию вокруг него они окрестили Танцплощадкой дьявола.

6 декабря 1911 года норвежцы достигли точки, до которой доходил Шеклтон. До желанной цели оставалось менее двухсот километров. Норвежцы преодолели их за восемь дней. 14

декабря 1911 года около трех часов дня команда Амундсена из пяти человек достигла Южного полюса. Свою победу они отметили выкуриванием сигар и установкой флага Норвегии.

Помня о неточности приборов, которая стала причиной разногласия между покорителями Северного полюса, Амундсен в течение трех последующих дней кружил по окрестностям, проводя всё новые и новые измерения, отмечая, «окружая» все возможные точки Южного полюса.

Завершив свою работу, он оставил на полюсе свою палатку, свой «Полярный дом» — «Пульхейм» с флагом. Внутри палатки лежали бумаги, адресованные королю Норвегии и письмо Роберту Скотту: «Дорогой капитан Скотт, поскольку Вы, вероятно, станете первым, кто достигнет этого места после нас, я любезно прошу направить это письмо королю Хокону VII. Если Вам пригодятся любые из вещей в этой палатке, не стесняйтесь их использовать.

С уважением желаю Вам благополучного возвращения.

Искренне Ваш, Руаль Амундсен».

25 января 1912 года норвежская экспедиция вернулась в базовый лагерь.

3 января 1912 года Роберта Скотта, не зная, что проиграл, двинулся к полюсу. В команде их было пятеро. Через двенадцать дней 15 января они разбили так называемый «Последний склад», от которого до полюса оставалось менее сорока восьми километров. На следующий день они наткнулись на остатки лагеря и множество собачьих следов. Скотт написал в дневнике: «Тут мы поняли, что Норвежцы опередили нас и первыми достигли полюса». 17 января 1912 года команда Роберта Скотта дошла до палатки Амундсена, прочитала его письмо и поняла, что все их усилия оказались тщетными, они проиграли. Это окончательно раздавило и без того измученных людей. Вернуться обратно у них уже не было сил.

Поисковая группа нашла палатку Скотта и его товарищей лишь 12 ноября 1912 года. Погибших оставили на месте, возведя над палаткой высокую пирамиду из снега.

— «Я пожертвовал бы славой и всеми деньгами, сумею я таким путём уберечь Скотта от ужасной гибели», — сказал Амундсен, узнав о трагедии.

— Да, грустная история, — сказала Валя. — А как потом сложилась жизнь Амундсена? Была у него семья, дети?

— Семьи у Амундсена не было. Он посвятил жизнь полярным исследованиям. Добрался он все-таки и до Северного полюса, став первым в мире человеком, побывавшем на двух «вершинах земли».

В 1926 годы Амундсен пригласил Умберто Нобиле итальянского инженера дирижаблестроения принять участие в экспедиции на Северный полюс. Тот согласился. Они полетели к Северному полюсу на самом совершенном дирижабле полужёсткой системы N-1 «Норге — Норвегия», оснащённом тремя мощными двигателями. В прозрачной гондоле дирижабля, могло разместиться двадцать человек. 11 мая в девять утра экспедиция стартовала с острова Шпицберген к Северному полюсу. На полюс они прибыли 12 мая в половине второго. Экипаж провёл над полюсом два с половиной часа, обследовал акваторию с воздуха, а затем дирижабль направился на Аляску, где приземлился через два дня. Там его разобрали и на транспортном судне доставили обратно в Италию.

После полёта между Амундсеном и Нобиле возник конфликт из-за того, кому принадлежит честь достижения Северного полюса — конструктору и пилоту дирижабля Нобиле, или Амундсену, как начальнику экспедиции. Этот конфликт был усилен фашистской пропагандой, которая прославляла Нобиле и оттолкнула от него Амундсена и норвежцев. К тому же Бенито Муссолини произвёл Нобиле в генералы правящей фашистской партии. Нобиле стал национальным героем.

Он сразу же стал готовиться к новому полёту в Арктику. Для этого полёта был построен дирижабль «Италия», конструкция которого в общих чертах повторяла дирижабль «Норге».

Кроме Нобиле в экспедицию вошли пятнадцать итальянцев, чешский физик и шведский метеоролог. Нобиле взял в полёт свою собачку фокстерьера Титину, которая уже побывала на Северном полюсе на дирижабле «Норге».

Экспедиция стартовала из Милана 15 апреля 1928 года. Проблемы начались сразу после вылета. В районе Альп дирижабль попал в шторм. Пришлось совершать промежуточную посадку в Германии. На ремонт ушло десять дней. Во время второй швартовки в Финляндии на дирижабль обрушился ещё один шторм. Плохая погода словно сопровождала «Италию». Первый полёт к северо-востоку от Земли Франца Иосифа был сорван из-за сильнейшего ветра. Второй полёт прошёл удачнее, но достичь запада Северной Земли не получилось. В третий и последний полёт «Италия» вылетела с шестнадцатью членами экипажа ранним утром 23 мая в направлении Северного полюса. Дирижабль достиг его примерно во втором часу ночи. С дирижабля сбросили дубовый крест, вручённый экипажу Папой Римским, и итальянский флаг. «Италия» повернула обратно. Погода резко изменилась: начался снегопад, подул сильнейший ветер, обледенела гондола. Запустили третий мотор, но скорость почти не увеличилась, зато увеличился расход бензина. Заклинило руль высоты, дирижабль получил опасный дифферент на нос и начал терять высоту. Чтобы избежать падения, пришлось остановить все двигатели и сжечь часть газа из кормового отсека, что было не лучшим решением в условиях обледенения. Поломку руля удалось устранить и полёт продолжился то на трёх то на двух двигателях с манёврами на высоте.

Утром 25 мая экипажу удалось наладить радиосвязь с пароходом сопровождения «Читта ди Милано». Место нахождения дирижабля было установлено. Он летел на высоте двести-триста метров. Из-за нового порыва ветра дирижабль начал резко снижаться со скоростью примерно полметра в секунду. Столкновение с землёй стало неизбежным. Умберто Нобиле остановил все три двигателя, чтобы избежать пожара и взрыва водорода.

Дирижабль ударился о лёд кормовым рулём и задней моторной гондолой. Её оторвало. Корму дирижабля подняло вверх. Второй удар пришёлся в гондолу управления. Её протащило по льду около пятидесяти метров и тоже оторвало. Неуправляемый дирижабль, в котором осталось шестеро человек, большая часть снаряжения, продовольствия и оборудования, унесло на восток. Девять членов экипажа оказались выброшенными на лёд. У Нобиле было рассечено лицо, сломаны голень и запястье. Он получил сильный удар в грудь. Пострадали и другие члены экипажа. У собачки Титины выбило зуб.

Из разбитой гондолы выпало немного съестных припасов и полезных вещей, в том числе четырёхместная палатка. Её покрасили красной анилиновой краской, чтобы она стала заметной с воздуха. Среди выживших был радист. Полевая рация уцелела. Сигнал SOS перехватил советский радиолюбитель Шмидт из деревни Вознесенье-Вохма. Весь мир, граничащий с Арктикой, был взволнован, когда узнал о несчастье с дирижаблем «Италия». На спасение были брошены силы советской, итальянской, норвежской и шведской экспедиций.

Амундсен заявил, что будет участвовать в поисках Умберто Нобиле. 18 июня 1928 года он вместе с несколькими спутниками вылетел на поиски экспедиции на гидроплане «Латам». Что случилось потом, точно неизвестно. Осенью были обнаружены сначала поплавки, а затем бензобак пропавшего гидроплана. Эксперты, изучив их, пришли к выводу, что самолет потерпел аварию, потеряв поплавки. Уцелевшие при посадке члены экипажа пытались провести ремонт, но в бурном море гидроплан перевернулся, и все люди погибли. Могилей первого покорителя Южного полюса Руаля Амундсена стали воды Баренцева моря. Ему было пятьдесят пять лет.

— Грустный финал, — Валентина вздохнула. — А Нобиле нашли?

— Да. 20 июня итальянские лётчики обнаружили красную палатку и сбросили на лёд продовольствие, медикаменты и одежду. Совершить посадку на льдину удалось только через три дня шведскому лётчику Эйнару Лундборгу. У него был приказ вывезти генерала Нобиле,

а затем вернуться за остальными. Когда Лундборг полетел снова, он потерпел крушение при посадке и тоже стал пленником красной палатки. Хотя красной она была только один или два дня, а потом выцвела и стала грязно белой.

Погода испортилась, льдина начала таять. Посадка самолёта на неё стала невозможной и остальные аэронавты были спасены только 12 июля советским ледоколом «Красин», который остановился между льдами Севера Норвегии из-за поломки винта, руля и отсутствия угля. Капитан Самойлович намеревался вернуться на юг, чтобы заправиться углём и починить корабль. По просьбе Умберто Нобиле он не стал этого делать, а отправил своего лётчика на поиски красной палатки. Люди были спасены.

Спасательная экспедиция была масштабной. Люди получили большой опыт. На Северном полюсе появились аэропланы, были созданы организованные спасательные экспедиции.

После возвращения в Италию генерала Нобиле встретили восторженные толпы итальянцев. Его называли одним из самых смелых первопроходцев среди великих исследователей двадцатого века. Но итальянская и зарубежная пресса начала обвинять Нобиле в крушении дирижабля и в том, что он оставил свой экипаж, улетев первым. К этому добавились непростые отношения генерала с некоторыми влиятельными фашистами. В 1932 году Нобила заключил соглашение с советским Всесоюзным объединением Гражданского Воздушного Флота и принял на себя обязанности технического руководителя по проектированию в Советском Союзе нескольких дирижаблей полужёсткого типа на предприятии «Дирижаблестрой» на станции Долгопрудной.

В первой половине 1932 года Нобиле прибыл в СССР.

— Скажи, а собачку он тоже привёз с собой?

— Да. Нобиле не расставался со своей Титиной. Она переболела цингой, как и все члены экспедиции. Ей на два зуба надели золотые коронки. Когда она лаяла, зубы блестели. Ребятишки дразнили её, чтобы посмотреть на эту диковинку.

— Я бы тоже была среди них, — Валя улыбнулась. — Не русский дяденька с собачкой ходит по городу.

— Он был не просто дяденькой, дорогая. Он был важной персоной, поэтому ездил он на машине. Вместе с ним в СССР приехали инженер-конструктор Феличи Трояни, небольшой группой итальянских инженеров и квалифицированные рабочие. Без них вряд ли бы состоялось советское дирижаблестроение. У нас в стране было уже пять полужёстких дирижаблей, но по плану развития массового дирижаблестроения предусматривалось с 1932 по 1936 год выпустить ещё четыреста двадцать пять дирижаблей разных типов и кубатур. Оптимизм такого революционного плана граничил с абсурдом, но на Умберто Нобиле он подействовал благотворно. Для него эти годы стали периодом психологической реабилитации после унижений, перенесенных на родине.

В 1933 году Нобиле совместно с советскими инженерами построил первый небольшой полужёсткий дирижабль В-5 объемом две тысячи сто пятьдесят восемь кубических метров. Первый полёт был совершён 27 мая 1934 года. Первого мая на дирижабле В-5 полетел Феличи Трояни. Испытательная комиссия подтвердила, что В-5 готов войти в строй. Он продемонстрировал удовлетворительные качества.

Следующий дирижабль СССР-В6 «Осоавиахим» был сконструирован в 1934 году и стал самым большим из советских дирижаблей. Покидая СССР в конце 1936 года, Умберто Нобиле радовался достигнутому прогрессу. А наша страна радовалась новым победам.

В сентябре 1937 года дирижабль В-6 совершил перелёт по маршруту Долгопрудная — Новгород — Шуя — Иваново — Калинин — Брянск — Курск — Пенза — Воронеж — Васильсурск и обратно. Он продержался в воздухе сто тридцать часов двадцать семь минут, установив абсолютный мировой рекорд дальности полета дирижаблей. Был побит рекорд итальянского

дирижабля «Норге» такого же типа и объема, который в 1926 году при перелете от Шпицбергена до Аляски через Северный полюс находился в непрерывном полете семьдесят один час.

В январе 1938 года В-6 стали готовить к повторению мирового рекорда по прямой линии на маршруте Москва — Новосибирск — Москва. Однако чрезвычайные обстоятельства направили воздушный корабль в Арктику. Потребовалась срочная помощь полярникам нашей первой дрейфующей станции под руководством Ивана Папанина.

Станция СП-1 начала работать 21 мая 1937 года. Предполагалось, что дрейф льдины продлится не менее года, но уже через семь месяцев огромное белоснежное поле устремилось в воды Гренландского моря, начало быстро делиться и крошиться на мелкие льдины. Полярники оказались на обломке длиной пятьдесят метров и шириной тридцать метров. На помощь им в район бедствия были посланы ледоколы и подводные лодки.

Экипаж В-6 обратился к начальнику Главного управления ГВФ Василию Молокову с ходатайством об участии дирижабля в спасательной операции и получил «добро». Вылет назначили на 5 февраля 1938 года.

В день старта из-за нелётной погоды только к вечеру дирижабль удалось вывести из эллинга. За ночь он достиг Череповца. Учитывая усиливавшуюся метель, было решено двигаться вдоль железной дороги. На подходе к Канда拉克ше в условиях полярной ночи, непогоды и отсутствия точных карт местности экипаж потерял ориентировку, налетел на гору Небло и разбился. Из девятнадцати человек экипажа погибли тринадцать, включая двух командиров: Николая Гудованцева и Ивана Панькова.

— А во время крушения дирижабля «Италия» сколько человек погибло?

— Семнадцать человек включая членов экипажа и спасателей. Трагедии негативно влияют на судьбу воздухоплавания. Сюда ещё добавляются разные напасти: ураганы, шквалы, пожары из-за попадания молний. Так сгорели дирижабли В-4, В-5 и В-7 «Челюскинец».

6 августа 1938 года из-за перегрева водорода лопнула оболочка в поднятом в воздух нового дирижабля «СССР В-10». Семь аэронавтов во главе с командиром Евгением Оппманом — одним из создателей воздухоплавательных отрядов в Красной армии, погибли.

Дирижабли проиграли конкуренцию с самолетами, которые оказались более скоростными, надежными, безопасными. В 1939 году руководству «Дирижаблестроя» приказали полностью поменять тематику работ, поручив освоить выпуск бомбардировщика ББ-1, впоследствии названного Су-2. Новых дирижаблей больше не строили. Но дирижаблисты внесли свой вклад в победу. За годы Великой Отечественной они выполнили более полтора тысяч полётов. Дирижабли применялись для доставки различных грузов и обеспечения водородом аэростатов воздушно-десантных войск, для подготовки парашютистов. Дирижабли защищали небо над Москвой.

Пока возрождать дирижаблестроение считают не целесообразным. Поэтому мы летаем на самолётах.

— Меня это радует, милый мой Серёжа. Я тобой горжусь, — Валентина прижалась к мужу.

— А я тобой горжусь, дорогая. Я рад, Валечка, что ты не стала умолять меня остаться в Москве, отпустила в Антарктиду. Теперь все будут звать тебя боевой подружкой покорителя Арктики и Антарктиды Сергея Звонарёва.

В Антарктиде в 1955 года создан свой авиаотряд. Его возглавляет Герой Советского Союза опытный полярный лётчик Иван Иванович Черевичный. Он в «полярке» с 1934 года. Участвовал в спасении Папанина, первым сажал свой самолёт на лёд в районе полюса относительной недоступности в 1941 году, прокладывал северные воздушные трассы, проводил караваны по Северному морскому пути, участвовал во многих высокоширотных экспедициях, первым испытал на себе мощь антарктической стихии.

Это было в январе 1956 года, когда крылатые посланцы из России приняли здесь «боевое крещение». С самолёта Ан-2 выбрали место для размещения станции-обсерватории Мирный. Затем самолет Ил-12 ушёл в первый дальний рекогносцировочный полёт, чтобы выбрать лучшее место для организации станции Восток в районе Южного геомагнитного полюса и уже в мае на борт дизель-электрохода «Обь», проходящего в двухстах километрах от берега, сбросили с самолёта письма родным от зимовщиков.

Дизель-электрохода «Обь» остаётся незаменимым до сих пор, хотя на дворе уже 1970 год. Я на нём отправлюсь в Антарктиду.

— Надеюсь, это случится не завтра, — Валя улыбнулась.

— Послезавтра.

— Так праздник ведь. День седьмое ноября — красный день календаря...

— Отметим его на электроходе, — Сергей рассмеялся. — Кому праздник, дорогая, а кому — работа. 7 ноября дизель-электроход «Обь», отойдёт от ленинградского морского порта и возьмёт курс на Антарктиду. Капитан предупредил нас, что путешествие до ледяного купола займёт больше месяца. Прибудем на материк как раз к началу лета.

— К началу лета, — повторила Валентина задумчиво...

Не сказал Сергей жене, что климат на Южном полюсе намного суровее, чем на Северном. Там крайне низкие температуры и дуют почти непрекращающиеся ураганные ветра. Горный характер Антарктиды, разряженный воздух и полное отсутствие промежуточных посадочных площадок усложняют полёты. Но Сергей готов к любым испытаниям.

Оказалось, не ко всем. Трудности начались, когда они подошли к Антарктиде. Остановились за девяносто километров от станции Молодёжная. Дальше идти нельзя. Сплошной лёд. Выгрузили на лёд Ан-2. Девять часов собирали его. Потом с командиром Виктором Головановым поднялись в воздух на поиски подходящей льдины для выгрузки самолёта Ил-14. Залюбовались ледяной красотой и обилием айсбергов. Трёхкилометровую льдину толщиной в полтора метра нашли не сразу. Вернулись на «Обь». Но капитан наотрез отказался двигаться вперёд к этой огромной льдине. Сутки ушли на уговоры, после которых капитан двинулся к нужной льдине. Корабль разгонялся, выскакивал на полкорпуса на льдину и ломал её своим весом, пробивая канал. Все льдины вокруг были толщиной не более девяноста сантиметров, ломались быстро. Выгружать на них тяжёлый Ил-14 было нельзя.

Шесть часов пробивался корабль к нужной льдине. Наконец-то самолёт выгрузили. Сутки непрерывной работы ушли на то, чтобы расконсервировать двигатели, пристыковать плоскости крыльев и всё проверить. Сергей торопил техников. Льдина могла треснуть в любой момент. От избыточной радиации любая капля масла или упавшая ветошь образовывали на льду углубления, меняли его структуру.

Когда самолёт был собран, Сергей влез в кабину, проверил двигатели, хотел взлететь. Не тут-то было. Лыжи примёрзли так, что не оторвать самолёт от льдины. Кувалда не помогла. Тогда трёхметровым тросом, как пилой, прошлись под лыжами. Сработало! Самолёт взлетел. Сергея поразила стерильная белизна ледяного царства, отличная от суровой красоты Севера.

В Арктике хоть какой-то ориентир можно было зацепить глазом, а здесь не было ничего. Пилоты, летавшие много лет в Полярной авиации, надеялись увидеть в Антарктиде знакомую картину, но первый же день убедил их, что Южный полюс полный антипод Северному.

Самым трудным оказалось для всех привыкнуть к обратному ходу небесной сферы справа — налево. Многие явления удивляли даже опытных метеорологов. Они ждали наибольших температур и усиления ветра после полудня, но этого не происходило. Направление ветра отличалось поразительной устойчивостью. Когда над побережьем бушевал невиданной силы снежный ураган, над прибрежными полыньями, находящимися в нескольких десятках километров, в это время образовывались гряды кучевых облаков. Несмотря на ясное небо,

могли появиться ледяные кристаллы, ухудшающие видимость. Даже в солнечную погоду расслабляться было нельзя. Налетевший циклон мог сделать невидимой консоль крыла самолёта. Лететь в таких условиях было сложно и опасно.

В том, что Антарктида — континент загадка, убедились все, приехавшие с Сергеем. В привычные представления здесь не вписывалось ничего. Всё было не так: температура, состояние снежного покрова, скорость ветра, отсутствие ориентиров, особенности радиосвязи. Самолёт уже находится «на кругу» виден даже его бортовой номер, а командир и диспетчер друг друга не слышат. Стоит отлететь чуть в сторону и радиоэфир оживает. Не ясно, какая именно сила стоит на пути радиоволн, когда блокирует, а потом оживляет их.

Сергей постоянно думал о том, что им, современным людям, намного легче, чем первопроходцам. Амундсен предусмотрел всё до мелочей и остался жив. Скотт наделал ошибок в подборе людей, в подготовке снаряжения и погиб.

Антарктида не терпит оплошности, небрежности, недогляда. До сих пор бушуют здесь длинные бураны, а белизна ледового купола сливается с низким, блёклым небом, создавая гибельное для пилота сочетание цветов. Но лететь нужно.

Полёты в Антарктиде были двух видов: прибрежные и континентальные. Первые совершались для снабжения научных станций, расположенных на побережье. Несмотря на возможность визуальной ориентации, летать туда было трудно из-за большой протяжённости маршрута. Расстояние от Мирного до Молодёжного две тысячи двести пятьдесят километров. Нет запасных аэродромов, радиотехнического обеспечения, метеорологическая обстановка сложнейшая. Изображение береговой линии на полётных картах зачастую не соответствовало действительности. От берега постоянно отрываются и уносятся в океан большие массы льда. В течении одного-двух месяцев исчезали мысы, полуострова, меняли свои очертания заливы. В полётах приходилось внимательно прослеживать и переносить в документацию все изменения, выделять то, что потом поможет вести детальную ориентировку: опускающийся в море ледник, мыс или бухту. Запоминали местонахождение малоподвижных и видимых издали «ледяных городов» — больших районов скопления айсбергов. Впервые в экспедиции, которой руководил Сергей, была проведена аэрофотосъёмка с самолёта Ил-14.

В прибрежной полосе материка выполнялись полёты на Ан-2 для обеспечения геологических, астрономических и других исследований. Самолёт садился на площадки, подобранные с воздуха. Вокруг была ледяная пустыня. От экипажа требовалось максимально повышенное внимание, осмоторительность, отличное знание района полёта, чёткое взаимодействие, строжайшая дисциплина. Лёд почти везде был в движении, образовывалось множество трещин, в которые мог запросто пройти многоэтажный дом. Трещины были замаскированы снежными мостами. С высоты полёта в триста — четыреста метров хорошо были видны ложбины, образовавшиеся под тяжестью снежных мостов. К счастью, на расстоянии тридцати — пятидесяти метров от берега количество трещин сокращалось. Эту особенность пилоты всегда учитывали и использовали.

Место стоянок самолётов выбирали на ровных, открытых площадках, удалённых от выступающих из ледяной толщи вершин гор. Это была вынужденная мера предосторожности. Возле гор часто возникали сильные завихрения ветра. Самолет швартовали даже при непродолжительной стоянке. Всегда помнили о том, что ясная погода может моментально смениться жесточайшим ураганом с видимостью ноль.

Много хлопот доставляли в Антарктиде первичные посадки. Незначительная облачность исключала их возможность. Из-за многократного отражения солнечных лучей от снега и облаков нельзя было определить, где кончается кромка облаков и начинается снеговой покров. Реальный план ландшафта исчезал, растворяясь в белой мгле. Радиовысотометры выдавали неверную информацию. Они даже на земле показывали высоту двадцать-двадцать пять метров из-за слоя фирнового снега, покрывающего вековой лёд купола и пропускающего радиоволны.

Самыми трудными стали для Сергея континентальные полёты на станцию «Восток», расположенную в глубине мёртвого континента. Предшественники рассказали ему, что прилететь на станцию можно, а вот вернуться обратно намного сложнее. Двигатели Ил-14 теряли там больше половины тяги, а лыжные шасси примерзали. Стоять приходилось не более трех — пяти минут. Командир оставался за штурвалом, выгрузкой и погрузкой занимались члены экипажа и сотрудники станции. Быстро сбрасывали бочки с соляжкой, продукты. Снимали чехлы с двигателей, которые зачехляли сразу после посадки, и начинали разбег.

Оторваться от снежной полосы, напоминающей наждачную бумагу, было сложно даже пустому самолёту. Отрыв происходил на последних пятистах метрах полосы в три тысячи метров. В обычных условиях самолёт взлетал легко метров с девятисот. Но Антарктида — это особое место. Там нет ничего живого, только вечный, никогда не таящий снег. Ощущение, что вокруг ничто не меняется и никогда не изменится. Чем дальше уходишь от побережья, тем выше поднимается ледяной купол. Его высота над уровнем моря достигает три тысячи пятьсот двадцать метров. Сюда добавляется утомительная от своего однообразия морозная постоянная дымка, низовая метель, большие величины магнитных склонений от восьмидесяти до ста двадцати градусов, плохая радиосвязь.

Разряженность воздуха в центре Антарктиды, как на шестикилометровой высоте в Памире или в Гималаях. В каждом блоке на станции «Восток» стоят кислородные баллоны. Пока не адаптируешься перед глазами плывут красные круги. Нередки случаи проявления горной болезни: кровотечение из носа, полубоморочное состояние. На адаптацию уходит от двух-трёх недель до месяца. Быстро ходить там нельзя, в глазах начинают мелькать красные всполохи.

Летом, когда на побережье Антарктиды температура плюсовая градусов девять-десять, на станции «Восток» — ниже минус сорока. Дышать можно только через шарф. Постоянно отражающийся от яркого солнца свет, слепит глаза своей белизной. Тёмные очки снимать нельзя, чтобы не заработать «куриную слепоту». Обильный слой крема и бесцветная губная помада спасают кожу лица от высыхания и растрескивания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.